

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 42–49
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):42–49

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Научная статья
УДК 342.9(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-42-49

ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ И ПРЯМАЯ ВЫГОДА В КОНФЛИКТЕ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ В СВЕТЕ НОВЕЙШЕЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Наиля Альфритовна Гареева^{1✉}, Амир Айдарович Гареев²

¹Нижнекамский филиал Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, Нижнекамск, Россия, gareevana5@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0764-627X>

²Московский гуманитарно-экономический университет, Москва, Россия, amir.gareev.1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6518-0833>✉

Аннотация. Исследование посвящено теоретическим и правоприменительным проблемам разграничения понятий «личная заинтересованность» и «прямая выгода» как ключевых элементов конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. На основе анализа определений Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также судебной практики сделан вывод о формировании позиции, в соответствии с которой для признания конфликта интересов достаточно наличия личной заинтересованности и участия в принятии соответствующего решения, независимо от факта получения прямой выгоды. Рассматриваются основные типовые ситуации конфликта интересов, анализируются подходы судов разных инстанций к оценке личной заинтересованности и разграничению деяния с уголовно-правовыми составами. Проводится сравнительный анализ зарубежных моделей регулирования конфликта интересов. Формулируются практические рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, прямая выгода, государственная служба, утрата доверия, Верховный Суд Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, противодействие коррупции

Для цитирования: Гареева Н. А., Гареев А. А. Личная заинтересованность и прямая выгода в конфликте интересов на государственной службе: проблемы разграничения в свете новейшей судебной практики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 42–49. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-42-49>.

Research article

PERSONAL INTEREST AND DIRECT BENEFIT IN CONFLICTS OF INTEREST IN PUBLIC SERVICE: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION IN THE LIGHT OF THE LATEST JUDICIAL PRACTICE

Nailya A. Gareeva^{1✉}, Amir A. Gareev²

¹Nizhnekamsk branch of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Nizhnekamsk, Russia, gareevana5@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0764-627X>

²Moscow University of Humanities and Economics, Moscow, Russia, amir.gareev.1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6518-0833>

Abstract. This study examines the theoretical and law enforcement issues surrounding the distinction between the concepts of "personal interest" and "direct benefit" as key elements of conflicts of interest in public and municipal service. Based on an analysis of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, the resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, and judicial practice, a position has emerged that personal interest and participation in the relevant decision are sufficient to recognize a conflict of interest, regardless of whether a direct benefit was received. The study examines the main typical conflict of interest situations, analyzing the approaches of courts at various levels to assessing personal interest and distinguishing between acts and criminal offenses. A comparative analysis of international models for regulating conflicts of interest is provided. Practical recommendations for improving law enforcement practices are formulated.

Keywords: conflict of interest, personal interest, direct benefit, public service, loss of trust, Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, anti-corruption

For citation: Gareeva N. A., Gareev A. A. Personal interest and direct benefit in conflicts of interest in public service: problems of differentiation in the light of the latest judicial practice. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)): 42–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-42-49>.

Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе — это дискуссионная проблема современного российского законодательства. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет конфликт интересов как ситуацию, когда личная заинтересованность чиновника влияет или может повлиять на выполнение им своих обязанностей в рамках государственной службы [1]. Личная заинтересованность — это возможность получения материальной выгоды в виде денег, иного имущества, а также имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ и так далее.

Несмотря на наличие определения термина в доктрине и в законе, на практике возникает вопрос: необходимо ли для подтверждения конфликта интересов подтвердить факт реального получения должностным лицом прямой

выгоды или можно ограничиться установлением возможности ее получения? Данная проблема приобрела актуальность в связи с формированием новых правовых позиций в судебной практике, а также из-за увеличения числа судебных споров об увольнении должностных лиц из-за утраты доверия. Например, в 2025 году «по инициативе прокуроров в связи с утратой доверия уволено свыше 700 государственных служащих» [2]. Как видим, появляется тренд на ужесточение публично-правовой ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения.

Система публично-правовой ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения базируется и на сравнении, и на разграничении конфликта интересов и личной заинтересованности [3]. В доктрине административного права подчеркивается, что понятия «интерес» и «личная заинте-

ресованность» — это обобщающие категории, без использования которых нельзя всесторонне анализировать правовую природу конфликта интересов [4]. Эти термины образуют теоретическую основу антикоррупционных инструментов и определяют границу допустимого поведения для государственных служащих. Ряд авторов отмечают, что коррупционное поведение следует рассматривать как проявление сотрудником государственных и муниципальных органов личной заинтересованности, которая приводит к конфликту интересов [5].

Определение конфликта интересов и личной заинтересованности имеется в ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции», согласно которому «под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей» [1].

Личная заинтересованность может быть прямой и косвенной, а сам конфликт интересов возникает уже из-за одной только «возможности» повлиять на решение. Например, А. С. Телегин, анализируя юридическую природу конфликта интересов, указывает, что по своему содержанию он носит комплексный характер [6]. Суды при определении законности, например, увольнения должностного лица должны учитывать все факторы, доказательства.

Ключевая доктринальная проблема, связанная с категорией личной заинтересованности, состоит в ее субъективном понимании. Законодатель не устанавливает количественных или формализованных критериев для определения того, насколько вероятна возможность получения выгоды. В правовой доктрине есть позиция, согласно которой наиболее сложными для правоприменения остаются вопросы, «связанные с неопределенностью категорий нематериальных выгод, определением круга «значимых» лиц, а также со сложностями в определении потенциального, а не реального конфликта интересов» [7].

М. А. Колмыкова и Ю. А. Завершинская указывают, что ведущую роль в возникновении конфликта интересов играет личная заинтересованность [8]. Этот правовой институт особенный в той части, которая требует подтверж-

дения факта нахождения служащего в положении, где его частные интересы вступают в конфликт с публичными. Прямая выгода, напротив, является юридическим фактом, требующим доказывания реального получения прибыли и иных выгод.

Категория личной заинтересованности выполняет в антикоррупционном механизме несколько ключевых функций. Превентивная функция включает в себя установление личной заинтересованности. Ее установление — это потенциальная возможность получения денежных средств, материальных ресурсов и создание обязанности должностного лица по принятию мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. И. А. Трофимова указывает, что российское законодательство не должно ограничиваться только способами урегулирования конфликта интересов. Оно также должно включать и инструменты их применения или прямо закреплять право работодателя (в ряде случаев им является государство) определять порядок их применения [9]. В случае со специальной функцией личная заинтересованность служит показателем коррупционных рисков, позволяя своевременно выявлять ситуации, в которых объективность и беспристрастность чиновника могут быть поставлены под сомнение.

В судебной практике видна тенденция, согласно которой ключевым предметом доказывания является сам факт бездействия должностного лица: непринятие мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов. Личная заинтересованность как правовая категория приобретает ключевое значение для всего механизма публично-правовой ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения, а правильное понимание ее правовой природы и соотношения со смежными понятиями является необходимым условием последовательной правоприменительной практики.

Антикоррупционное законодательство Российской Федерации не содержит самостоятельного легального определения понятия «прямая выгода». В правовой доктрине и судебной практике под «прямой выгодой» следует понимать фактический результат реализации личной заинтересованности. То есть это реаль-

ное получение чиновником (или его доверенными лицами) денежных средств, имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера и так далее [10]. В отличие от «личной заинтересованности», которая, как ранее отмечалось, фиксируется на стадии «возможности», прямая выгода представляет собой юридический факт, требующий доказывания реального обогащения. По моменту возникновения личная заинтересованность возникает с момента создания ситуации, в которой у служащего появляется возможность повлиять на исполнение обязанностей для получения выгоды, тогда как прямая выгода возникает только после реализации такой возможности и фактического получения служащим соответствующего обогащения [11]. По правовым последствиям установление личной заинтересованности влечет обязанность служащего принять меры по предотвращению конфликта интересов. Невыполнение им этой обязанности является самостоятельным правонарушением, влекущим увольнение в связи с утратой доверия, тогда как доказывание прямой выгоды необходимо для привлечения к уголовной ответственности.

В антикоррупционном законодательстве и правоприменительной практике есть дифференциация прямой и косвенной личной заинтересованности. Прямая заинтересованность — это возможность извлечь выгоду напрямую из выполнения чиновником своих должностных обязанностей. Косвенная заинтересованность — это возможность получить материальную выгоду, например, через оказание в рамках своих служебных обязанностей преимуществ физическому, юридическому лицу с последующим получением нелегальной выгоды. Эти понятия являются частью личной заинтересованности как возможности государственного служащего. При реализации косвенной заинтересованности доказать в суде факт получения прямой выгоды значительно сложнее.

В доктрине отмечается, что ведущую роль в возникновении конфликта интересов играет личная заинтересованность. Установление прямой выгоды не является необходимым для привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности, напри-

мер, в виде увольнения. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции признал увольнение государственного служащего законным из-за того, что он получал материальную выгоду от заключения контрактов с подконтрольными лицами [12]. Суд в такой ситуации отметил, что отсутствие реальной выгоды не говорит об отсутствии конфликта интересов.

Важным изменением в области судебной практики стало Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) от 29.10.2025 № 6-НАД25ПР [13]. В частности, депутаты не задекларировали конфликт интересов при присвоении звания «Почетный гражданин города Миасса». Правоприменительная проблема была в том, что звание присваивалось номинанту, у которого были знакомые аффилированные лица. Ранее суды, вероятно, приняли бы позицию депутатов, если бы не удалось доказать факт их личного обогащения от этого решения. Президиум ВС РФ, проанализировав надзорное представление прокуратуры, встал на принципиально иную позицию. Для конфликта интересов не нужно доказывать прямую выгоду. Для этого необходимо установить, что у должностного лица был личный интерес и он участвовал в принятии решения.

Вслед за этим Пленум ВС РФ внес изменения в свою ключевую антикоррупционную базу — постановление от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [14]. Он разграничил уголовную и дисциплинарную ответственность: отсутствие признаков уголовно наказуемого деяния отныне не мешает применить меры публично-правовой ответственности. Высшая инстанция фактически подчеркнула, что дисциплинарное увольнение за неурегулированный конфликт интересов — это отдельная, самостоятельная санкция, которая существует параллельно с уголовным законом.

Одновременно с этим Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) в Постановлении от 26.12.2025 № 51-П по запросу ввел ряд важных для практики ограничений и уточнений. Он указал, что не любая личная заинтересованность депутата является конфликтом интересов. Для ее подтверждения нужна

полная и всесторонняя оценка всех обстоятельств. Досрочное прекращение полномочий должно применяться лишь при конфликте интересов (в ходе которого были понесены убытки, было существенное нарушение закона) или в совокупности с иными коррупционными деяниями. Получение выгоды неопределенной группой лиц не считается личной заинтересованностью, за исключением случая, когда должностное лицо или его близкие являются единственными выгодоприобретателями. КС РФ сформулировал важный тезис о том, что сам по себе факт коллегиальности принятия решений или отсутствие у депутата руководящей должности в представительном органе не может исключать наличие конфликта интересов [15].

Сравнивая правовые позиции Верховного и Конституционного судов Российской Федерации, можно выделить их взаимодополняющий характер. КС РФ определяет конституционно-правовые рамки конфликта интересов, устанавливая, что не всякая личная заинтересованность образует конфликт интересов, и требует оценки по всей совокупности обстоятельств. ВС РФ конкретизирует эти рамки применительно к правоприменительной практике, устанавливая, что для признания конфликта интересов достаточно установления личной заинтересованности и участия в принятии решений, независимо от наличия прямой выгоды. Для привлечения к публично-правовой ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия нужно сначала установить факт личной заинтересованности.

В международном праве, в практике иностранных государств можно выделить различные позиции в отношении регулирования конфликта интересов, которые можно систематизировать по правовым семьям. Система общего права, представленная, например, США и Великобританией, акцентирует внимание на детализированных этических кодексах и специализированных надзорных органах. В континентальной Европе акцент смещен в сторону формальных запретов и публично-правовых ограничений, закрепленных в нормативно-правовых актах. Отдельно стоит рассмотреть азиатскую модель Сингапура, которая формально является частью системы об-

щего права. Там выработан свой уникальный механизм, основанный на «нулевой терпимости» к коррупции, и используется институт презумпции вины. Этот подход доказал свою эффективность на практике.

Подход, сформированный в США, имеет развитую нормативно-правовую и организационную базу. Ключевую роль играет Управление государственной этики. Управление создает правила, проводит семинары для государственных служащих и проверяет, как те соблюдают законы [16]. Правовую базу составляют как федеральные законы, так и детализирующие их подзаконные акты (например, из Кодекса федеральных нормативных актов). Тем не менее, американское право предлагает гибкие механизмы: должностное лицо могут уволить, а могут применить доверительное управление, и оба варианта правомерны [17].

Во Франции еще в 2016 году был принят Закон № 2016-483 о правах и обязанностях государственных служащих, положения которого позднее кодифицированы в Общем кодексе публичной службы. Согласно закону, конфликт интересов — это «любая ситуация вмешательства между публичным интересом и частными интересами» [18]. Главным органом в этой сфере выступает Высший орган по обеспечению прозрачности публичной жизни. Он осуществляет контроль за декларациями об имущественном положении главных должностных лиц. В случае выявления конфликта интересов могут быть приняты обязательные к исполнению предписания, требования. Их неисполнение является уголовным преступлением.

Сингапурская модель считается одной из самых эффективных. При формальной принадлежности к англосаксонскому праву она создала собственные формализованные, уникальные правила. Закон о предупреждении коррупции устанавливает особую презумпцию. У публичного должностного лица есть деньги, иные материальные ресурсы, которые могут сильно превышать его официальную зарплату и иные законные источники дохода, например, преподавание в институте. Если лицо не может доказать законность происхождения своего дохода, то такие ресурсы считаются полученными преступным путем [19].

Сравнение зарубежных подходов показывает, что эффективная борьба с конфликтом интересов опирается на два взаимодополняющих принципа. В США применяется гибкий набор мер — от отстранения должностного лица до передачи активов в доверительное управление, что во многих случаях позволяет избежать уголовного или административного преследования. В Сингапуре действует жесткая модель: любое несоответствие между доходами и имуществом автоматически трактуется как коррупция.

В России институт конфликта интересов фактически сместился от доказательств к предположениям: достаточно не доказать выгоду, а лишь допустить ее возможность. Увольнение за утрату доверия возможно, если должностное лицо не попыталось урегулировать ситуацию при наличии такой возможности, но для уголовного наказания требуется реальное обогащение. Этот разрыв между дисциплинарной и уголовной ответственностью — главная проблема: грань между ними практически размыта.

Вторая проблема — расширительное толкование «личной заинтересованности». В нормативных актах нет четких количественных ориентиров, суды опираются на аналогии

и приходят к разным решениям в схожих ситуациях.

Третья сложность — доказывание: суды признают значимость факта бездействия, но на практике должностные лица доказывают отсутствие материальной выгоды. Поэтому требуется законодательное закрепление презумпции конфликта интересов при определенных условиях — например, при участии должностного лица в решениях в отношении аффилированных лиц.

Четвертая проблема, отмеченная КС РФ — недостаточная независимость комиссий по урегулированию конфликта интересов.

Для решения этих проблем предлагается: принять постановление Пленума ВС РФ о единообразном применении антикоррупционных норм с перечнем типовых ситуаций и критериями оценки; внедрить «период охлаждения» — запрет чиновникам работать в ранее подконтрольных организациях в течение нескольких лет после увольнения; ввести уголовную ответственность за неисполнение предписаний комиссий при наличии коррупционной подоплеку; сделать комиссии независимыми за счет привлечения экспертов из сферы науки и гражданского общества с правом обжалования решений в административном судопроизводстве.

Список источников

1. «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ : Принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года : Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25122008-n-273-fz-o/> (дата обращения: 29.05.2026).
2. Интервью Александра Гуцана информационному агентству ТАСС // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8303448/> (дата обращения: 01.06.2026).
3. Ильяков А. Д. Конфликт интересов на государственной службе : монография. Москва : Проспект, 2021. 128 с. ISBN 978-5-392-23868-2.
4. Винокуров В. А. Проблемы понимания личной заинтересованности в современном российском праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 142–150.
5. Тарасюк, Е. В. Предупреждение коррупционных преступлений среди государственных служащих посредством повышения их правовой культуры. // Молодой ученый. 2025. № 37 (588). С. 131–133. EDN: BMXJIP.
6. Телегин А. С. Конфликт интересов в системе государственной службы Российской Федерации: юридическая природа // Ex jure. 2021. №. 3. С. 84–94. DOI: 10.17072/2610-0648-2021-3-84-94.
7. Штыров В. А. Историко-правовое исследование возникновения и развития понятий «личная заинтересованность» и «конфликт интересов» в сфере государственного управления // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 2 (67). URL: <https://journals.igps.ru/ru/nauka/article/101234/view?ysclid=mtmj2mmscl608750832>.
8. Колмыкова М. А., Завершинская Ю. А. Проблема возникновения и урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Форум молодых ученых. 2019. №. 1-2 (29). С. 284–288.

9. Трофимова И. А. Причины и особенности урегулирования конфликта интересов в системе государственной службы // Закон и право. 2021. № 10. С. 194–198. DOI: 10/24412/2072-3313-2021-10-194-198.

10. Кудашкин А. В., Козлов Т. Л. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: объект, предмет, субъекты // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 3. С. 156–163. EDN: MUFOJJ.

11. Романова В. В. Иная личная заинтересованность как мотив совершения преступления // Криминалист. 2016. № 1 (18). С. 26–30.

12. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-1571/2024 от 18 января 2024 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=123866#djC3zLV22Nb5Y2ec> (дата обращения: 01.06.2026).

13. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.10.2025 № 6-НАД25ПР // Legalacts : законы, кодексы и нормативно-правовые акты : официальный сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29102025-n-6-nad25pr/> (дата обращения: 02.06.2026).

14. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 : редакция от 09.12.2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149239/ (дата обращения: 03.06.2026).

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2025 № 51-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522793/ (дата обращения: 03.06.2026).

16. Office of government ethics: a primer // EveryCRSReport.com : сайт. URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/IF10634.html>. Дата публикации: 13.04.2017.

17. 5 CFR § 2634.401 – Overview // eCFR system : сайт. URL: <https://www.ecfr.gov/on/2023-04-16/title-5/chapter-XVI/subchapter-B/part-2634/subpart-D/section-2634.401>. Дата публикации : 16.04.2023.

18. LOI n° 2016-483 du 20 avril 2016 relative à la déontologie et aux droits et obligations des fonctionnaires // Légifrance : сайт. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000032435310 (дата обращения: 04.06.2026).

19. Prevention of Corruption Act 1960 (2020 REVISED EDITION) // Singapore Government : официальный сайт. RL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960> (дата обращения: 04.06.2026).

References

1. "On Combating Corruption": Federal Law dated December 25, 2008 No. 273-FL: Adopted by the State Duma on 19 December 2008: Approved by the Federation Council on 22 December 2008. Laws, Codes, and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25122008-n-273-fz-o/> (date of access: May 29, 2026).

2. Interview of Alexander Gutsan to the TASS news agency. Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8303448/> (date of access: June 1, 2026).

3. Ilyakov A. D. Conflict of interest in the civil service: monograph. Moscow: Prospect; 2021. 128 p. (In Russ.). ISBN 978-5-392-23868-2.

4. Vinokurov V. A. Problems of Understanding Personal Interest in Modern Russian Law. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn` = Legal Policy and Legal Life*. 2024;(4):142–150. (In Russ.).

5. Tarasyuk, E. V. Prevention of corruption crimes among civil servants by improving their legal culture. *Molodoj ucheny`j = Young Scientist*. 2025;(37(588)):131–133. (In Russ.). EDN: BMXJIP.

6. Telegin A. S. Conflict of interest in the civil service system of the Russian Federation: legal culture. *Ex jure*. 2021;(3):84–94. (In Russ.). DOI: 10.17072/2610-0648-2021-3-84-94.

7. Shtyrov V. A. Historical and legal study of the emergence and development of the concepts of "personal interest" and "conflict of interest" in public administration. *Pravo. Bezopasnost`. Chrezvy`chajny`e situacii = Law. Security. Emergencies*. 2025;(2(67)). (In Russ.). Available from: <https://journals.igps.ru/ru/nauka/article/101234/view?ysclid=mtmj2mmscl608750832>.

8. Kolmykova M. A., Zavershinskaya Yu. A. The problem of the emergence and resolution of conflicts of interest in the civil service. *Forum molody`x ucheny`x = Forum of Young Scientists*. 2019;(1-2(29)):284–288. (In Russ.).

9. Trofimova I. A. Causes and features of resolving conflicts of interest in the civil service system. *Zakon i parvo = Law and Order*. 2021;(10):194–198. (In Russ.). DOI: 10/24412/2072-3313-2021-10-194-198.

10. Kudashkin A. V., Kozlov T. L. Conflict of interest in the state and municipal service: object, subject, subjects. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*. 2010;(3):156–163. (In Russ.). EDN: MUFOJJ.
11. Romanova V. V. Other personal interest as a motive for committing a crime. *Kriminalist*. 2016;(1(18)): 26–30. (In Russ.).
12. Ruling of the Eighth Cassation Court of general jurisdiction No. 88-1571/2024 dated January 18, 2024. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=123866#djC3zLV22Nb5Y2ec> (date of access: June 1, 2026).
13. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 29, 2025, No. 6-NAD25PR. Legalacts: laws, codes, and regulations: official website. (In Russ.). Available from: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29102025-n-6-nad25pr/> (date of access: June 2, 2026).
14. "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24: revised on December 9, 2025. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149239/ (date of access: June 3, 2026).
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 26, 2025, No. 51-P. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522793/ (date of access: June 3, 2026).
16. Office of government ethics: a primer. EveryCRSReport.com: website. Available from: <https://www.everycrsreport.com/reports/IF10634.html>. Publication date: April 13, 2017.
17. 5 CFR § 2634.401 — Overview. eCFR system: website. Available from: <https://www.ecfr.gov/on/2023-04-16/title-5/chapter-XVI/subchapter-B/part-2634/subpart-D/section-2634.401>. Publication date: April 16, 2023.
18. LOI n° 2016-483 du 20 avril 2016 relative à la déontologie et aux droits et obligations des fonctionnaires. Légifrance. (In Fr.). Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000032435310 (date of access: June 4, 2026).
19. Prevention of Corruption Act 1960 (2020 REVISED EDITION). Singapore Government: official website. Available from: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960> (accessed: 04.06.2026).

Информация об авторах

Н. А. Гареева — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансовой аналитики и поведенческой экономики;
А. А. Гареев — аспирант.

Information about the authors

N. A. Gareeva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Financial Analytics and Behavioral Economics;
A. A. Gareev — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 31.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 31.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.